

В.В. Хапаев

РОЛЬ СТРАТИГОВ ХЕРСОНА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА

В X в. Византийская империя располагалась на двух континентах. Ее земли простирались с запада на восток от Италии до верховьев Евфрата, а с севера на юг — от Южной Таврики до Северной Сирии. Многие территории (итальянские, таврические, островные) были эксклавами. Поэтому, их властям часто приходилось принимать самостоятельные решения для организации обороны от нападения внешних врагов. Однако, в соответствии с византийской внешнеполитической стратегией, нападений следовало всячески избегать, в том числе — через шпионаж и подкуп потенциального противника¹. Не была исключением и фема Херсон.

По данным византийских письменных источников (в первую очередь трудов Константина Багрянородного, Продолжателя Феофана, а также писем патриарха Николая Мистика), в зону внешнеполитической ответственности стратига Херсона входили: кочевья печенегов (Северное Причерноморье), черных болгар (Северное Приазовье), Хазария (Восточное Приазовье и Северный Кавказ до Терека), кавказская Алания (центральная часть Северного Кавказа) и Русь. Причем, экономические интересы Херсона прослеживаются только в хазарских и печенежских землях², а Русь, кочевья черных болгар и Алания были для стратига Херсона лишь объектами, на которые следовало оказывать дипломатическое воздействие в интересах безопасности империи вообще и фемы Херсон в частности.

Из текста трактата «Об управлении империей»³ ясно, что император не рассчитывает на военную силу для защиты фемы Херсон от возможного нападения печенегов, хазар или росов. Он полагается на дипломатию «разделяй и властвуй», считая необходимым натравливать печенегов на росов⁴, алан — на хазар⁵, а от нападения печенегов откупаться⁶.

О том же свидетельствует и русско-византийский договор, традиционно датированный 944 г.⁷, заключенный по итогам не состоявшейся русско-византийской войны. Этот документ требует от росов защищать «Корсунскую страну» от черных болгар и при этом не причинять ей вреда. Договор 971 г.⁸ предполагает, что росы не будут нападать на «власть Корсунскую»

¹ Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века / [подг. изд. В. В. Кучма]. СПб., 2002. С. 360; *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. М.: Наука, 1989. С. 41; *Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 89.

² *Хапаев В.В. Экономический базис византийского Херсона во второй половине X века // Этносоциум и межнациональная культура. Альманах «Крым»*. 2013. № 1. С. 18—35.

³ *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 53.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ *Лаврентьевская летопись // ПСРЛ*. Л.: Изд-во АН СССР, 1926—1928. Т. 1. Изд. 2-е. Стлб. 51 и сл.

⁸ Там же. Стлб. 73.

ни сами, ни в союзе с другими народами. История приключений сына херсонского протевона патрикия Калокира в стане киевского князя Святослава, датируемая 968—971 гг. (от отправки его к росам для организации их нападения на Болгарию до бегства из осажденной Иоанном Цимисхием Преславы)⁹ показывает, что и росам в византийской системе восточноевропейских «сдержек и противовесов» отводилась роль угрозы для болгар, причем, не только черных (приазовских), но и дунайских.

Различные письменные источники по истории Причерноморья X в. сообщают, что византийские власти Херсона в этом столетии активно (хотя и не всегда успешно) выполняли задачи по сглаживанию между собой могущественных северных соседей Византии, а также отслеживали их возможные нападения на саму империю. Хронология внешнеполитических успехов и поражений херсонских стратегов такова.

913—917 гг.

Византийский вельможа Иоанн Вога, возможно, печенег по происхождению¹⁰, выпросив себе сан патрикия, организует нападение печенегов на болгар, атаковавших империю в ответ на отказ от ранее выплачивавшейся им дани: «Болгарин Симеон¹¹ вновь опустошал Фракию, и августа¹² вместе с вельможами пребывала в раздумьях, как обуздать его наглость. В это время попросил Иоанн Вога титул патрикия, пообещав поднять против Симеона печенегов. Добившись желаемого и взяв дары, он отправился в печенежскую землю. Иоанн заключил договор, взял заложников и вместе с ними вернулся в город¹³, заручившись согласием печенегов переправиться и воевать Симеона»¹⁴. «Друнгарию Роману¹⁵ было приказано переправить печенегов на помощь Льву Фоке¹⁶ против болгар¹⁷, однако, между Романом и Иоанном начались распри и споры, и печенеги, видя, как они враждуют и ссорятся между собой, вернулись домой. По окончании войны и возвращении в город Романа и Воги, против них было возбуждено обвинение и, что касается друнгария Романа, дело дошло до того, что его приговорили к лишению глаз, поскольку он по нерадению и, того более, злокозненности не переправил печенегов, но поспешно отступил и

⁹ Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982. С. 13—16.

¹⁰ Гипотеза о печенежском происхождении Иоанна Воги принадлежит венгерскому византисту Дьюле (Гьюле) Моравчику (См.: *Moravcsik G. Byzantinoturcica. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen quellen. Teil II.* Leiden: E.J. Brill, 1983. S. 92). Публикатор Продолжателя Феофана Я.Н. Любарский и С.Б. Сорочан к ней присоединились (См.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / [пер. Я. Н. Любарского]. СПб.: Наука, 1992. С. 162, прим. 736; *Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры.* Ч. 1—2. Харьков: Майдан, 2005. С. 1479, прим. 1164).

¹¹ Симеон I Великий — князь Дунайской Болгарии с 893 г. В 913 г., когда болгары осадили Константинополь, Симеон был венчан на царство патриархом Николаем Мистиком.

¹² Имеется в виду вдовствующая императрица Зоя Карбонопсина (мать малолетнего Константина VII).

¹³ Имеется в виду Константинополь.

¹⁴ Продолжатель Феофана. С. 162.

¹⁵ Друнгарий флота Роман — будущий император Роман I Лакапин.

¹⁶ Имеется в виду переправа через Дунай.

¹⁷ Здесь речь идет о событиях августа 917 г. — т.н. «битве у реки Ахелой», в которой ромеи, не получившие помощи печенегов из-за распри Воги и Лакапина, потерпели сокрушительное поражение (См.: Продолжатель Феофана. С. 163, прим. 744).

не взял на суда спасающихся бегством ромеев. И подвергся бы он этому наказанию, если бы приговор не был отменен стараниями патрикия Константина Гонгилы и магистра Стефана¹⁸, пользовавшихся влиянием у августы»¹⁹.

Как видно из приведенных выше пассажей Продолжателя Феофана, в отличие от Романа Лакапина, следствие не нашло криминала в действиях Воги, а его умение договариваться с печенегами было оценено по достоинству. Поэтому, как явствует из другого (документального) источника — письма царю Симеону патриарха Николая Мистика — патрикий Вога назначается стратигом именно туда, где на постоянной основе осуществлялись контакты империи с кочевниками причерноморских степей — в Херсон. Патриарх писал болгарскому царю так: «... тебе небезызвестен Вога, который назначен стратигом в Херсон. Вот этот стратиг Херсона не перестает все время сообщать, что болгары прилагают все усилия, чтобы печенегов и другие народы, которые обитают в тех краях, привлечь к участию в нашествии на ромеев и войне. И не то, чтобы он то говорил, то молчал об этом, но непрерывно и ежедневно этими посланиями и речами он беспокоит наши уши и сердце...»²⁰.

Иоанн Вога, видимо, недолго исполнял должность стратига Херсона, т.к. 919 или 920 годом датируется еще одно письмо Николая Мистика в Херсон, адресованное неизвестному лицу, в котором публикаторы документа видят следующего стратига Херсона²¹.

919—920 гг.

В этом письме Николай Мистик дает адресату указание содействовать еще одной внешнеполитической акции византийцев в причерноморских степях. На этот раз — миссионерской поездке новоназначенного архиепископа Херсонского в Хазарию: «... так как прибывшие из Хазарии испрашивали себе епископа для совершения хиротонии пресвитеров и трудов, приемлемых на соблюдение чистой христианской веры, то [наше смирение] отправило новоназначенного архиепископа Херсонского; ему—то с Божьим содействием следует отправиться в Хазарию и что нужно там совершить, и затем возвратиться к кафедре Херсонской; и так промысли обо всем этом, как подобает сыну Церкви, содействуя делу в Хазарии и возведению и упрочению архиепископа на собственной его кафедре после того, как он совершит путь в Хазарию...»²².

Намек на то, что стратигом был назначен (как повелось со времен Феофила) выходец из Константинополя, причем, не на длительный срок, служит окончание письма патриарха, в котором он желает адресату: «... да явит же тебя Христос Бог наш в деле этом достохвальном и дарует тебе благополучное возвращение сюда»²³. С.Б. Сорочан²⁴ предположил, что этим стратигом был протоспафарий Иоанн Протевон, которого Константин Багрянородный упоминает как стратига Пелопоннеса в связи с восстанием местных славян, не желавших ему

¹⁸ Константин Гонгила и Стефан — члены регентского совета при малолетнем Константине VII (см.: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 3: Период Македонской династии (867—1057). М., 2005. С. 422).

¹⁹ Продолжатель Феофана. С. 163.

²⁰ Цит. по: *Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 1478—1480.

²¹ Там же. С. 1487, прим. 1197.

²² Цит. по: Там же. С. 1490—1492.

²³ Цит. по: Там же. С. 1492—1494.

²⁴ Там же. С. 599.

подчиняться (служить в войске, ходить в походы и «исполнять иные службы для казны»)²⁵. Эти события датируются 921—922 гг.²⁶. Поскольку в Херсонесе было обнаружено 2 моливдовула с надписью: «Господи, помоги твоему рабу Иоанну Протевону, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона» и изображением процветшего креста, датируемых первой четвертью X в., Н.А. Алексеенко предположил, что Протевон был переведен с Пелопоннеса в Херсон как не справившийся со своими обязанностями²⁷.

Действительно, Константин Багрянородный сообщает, что в разгар славянского неповиновения на Пелопоннесе император Роман I сменил там стратига. Но из текста источника не вытекает, что сделал он это в наказание Протевону, т.к. решение о назначении стратигом Пелопоннеса иного лица было принято до того, как император узнал о славянских возмущениях: «Пока дошло его (Протевона — В.Х.) донесение, стратигом для Пелопоннеса был избран протоспафарий Кринит Аротра»²⁸. Поэтому, смена стратига на Пелопоннесе, видимо, была вызвана тем, что пришедший к власти в результате переворота в 920 г. Роман Лакапин расставлял в фемах своих людей, а не недовольством службой Протевона. Тем более что в другой главе трактата Константин Багрянородный ставит его действия в пример, сообщая, что в бытность стратигом Пелопоннеса, Иоанн сумел—таки с выгодой для империи договориться со славянами: позволил им откупиться от военной службы и «выставить [взамен] тысячу коней, оседланных и взнузданных, и один кентинарий в наличной монете (7200 номисм — В.Х.), что они и предоставили с большой готовностью»²⁹.

Поэтому, С.Б. Сорочан предположил, что Иоанн Протевон был назначен на Пелопоннес уже после его службы в Херсоне: «Этот императорский протоспафарий Иоанн Протевон мог оказаться тем самым анонимным корреспондентом Николая I Мистика, с которым патриарх виделся в Константинополе перед отправкой неизвестного в Херсон... и состоял в переписке в марте—апреле 919 г. Только его молодость и желание выслужиться на новом месте, где он сменил, вероятно, патрикия Иоанна Вогу, объясняют, почему новоиспеченный стратиг пустился в тяжелое морское плавание к Херсону, едва открылся навигационный сезон, и лишь чудом избежал опасностей, которые могли стоить ему жизни (об этом сообщается в начале цитированного выше письма — В.Х.)»³⁰.

Более того, С.Б. Сорочан предположил, что фамилия Протевон могла означать херсонское происхождение военачальника, т.к. именно для этого города характерно такое написание должности первенствующего³¹. Однако, как справедливо замечает сам автор гипотезы, вслед за критикующей ее В.С. Шандровской³², все это еще надо доказывать (если вообще получится когда—либо доказать)³³.

²⁵ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 221, 245.

²⁶ Там же. С. 436, прим. 21

²⁷ Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX—XI вв. // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 710.

²⁸ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 221, 223.

²⁹ Там же. С. 245.

³⁰ Сорочан С.Б. Указ. соч. С. 599, прим. 78.

³¹ Там же. С. 599.

³² Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 247—255.

³³ Не желая стать соучастником создания нового историографического мифа, отмечу, что имеется еще 7 моливдовулов протоспафария Иоанна Протевона, стратига Херсона, с изображением фигуры св. Иоанна, 5 из которых оттиснуты одним штампом. Они датируются рубежом X—XI вв. (См.: Алексеенко Н.А. Указ. соч. С. 738, № 40—46; Храпунов Н.И. Администрация византийского Херсона

Около 940 года.

Согласно Документу Шехтера³⁴, в царствование Романа I и хазарского кагана Иосифа византийцы натравили на хазар росского полководца Хальгу, который сжег Таматарху. Реакцией хазар на это был знаменитый карательный поход Песаха, в ходе которого развернулась настоящая битва за Херсон, с применением подземных коммуникаций («они вышли из земли наподобие червей»³⁵), гибелью 90 воинов (видимо, византийских), окончившаяся победой хазар, вынудивших византийцев платить им дань, а роса Хальгу «воевать против Константинополя на море четыре месяца»³⁶.

Источник не содержит прямых указаний на то, что росов на хазар натравили именно херсониты. Однако основания для такого предположения есть. Во-первых, победа Песаха над херсонитами стала окончанием его похода, и он добился желаемого: повернул росов на Константинополь, при этом заставив византийцев платить хазарам дань. Во-вторых, в четырехмесячном походе росов на Константинополь исследователи единодушно усматривают русско-византийскую войну 941 г.³⁷, и предупредили столицу об этом нашествии именно херсониты.

941—944 годы.

Набег росов во главе с князем Игорем Рюриковичем на Константинополь и его окрестности, длившийся с 11 июня по 15 сентября 941 г., несмотря на звериную жестокость, проявленную его участниками, окончился полным поражением нападавших³⁸, т.к. столица была о нем предупреждена. Продолжатель Феофана (главный источник информации об этих событиях и, судя по всему, их очевидец) не пишет о том, кто сообщил в столицу о приближении росов. Автор древнерусской ПВЛ, в значительной степени повторяющий сведения византийского хрониста (через «посредничество» Продолжателя Амартола)³⁹, хотя и более комплиментарно для росов описывающий ход кампании, утверждает, что византийцев предупредили болгары: «Иде Игорьь на Греки . яко послаша Болгаре вѣсть ко црю . яко идуць Русь на Цръградъ»⁴⁰. Однако, другой византийский источник, Житие св. Василия Нового (очевидца похода 941 г.), составленное в середине X в. его учеником

(конец IV — XI века): дис. ... кандидата ист. наук : 07.00.02. К., 2009. С. 218, № 20). Поскольку моливдовулы Херсона (в т.ч. и вышеупомянутые) датируются только по палеографическим признакам и не имеют археологического контекста, который позволил бы проверить их хронологию, нельзя утверждать с уверенностью, что печати обоих Иоаннов Протевонов принадлежат разным лицам, которых отделяет друг от друга три четверти века. Возможно, что Иоанн Протевон «пелопоннеский» никогда не назначался в Херсон, а «херсонскому» Иоанну никогда не писал Николай Мистик. Но то, что данная гипотеза интересна для дальнейшей разработки, несомненно.

³⁴ Сорочан С.Б. Указ. соч. С. 1535—1552.

³⁵ Цит. по: Там же. С. 1548.

³⁶ Цит. по: Там же. С. 1549.

³⁷ Историографию вопроса см. в: Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. К.: Академперіодика, 2004. С. 37—38.

³⁸ Продолжатель Феофана. Указ. соч. С. 176—177.

³⁹ Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. II. Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование. Петроград: Рос. гос. академ. типография, 1922. С. 347.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись. Стлб. 44.

Григорием⁴¹, сообщает следующее: «... а через несколько дней распространилась весть во дворце и между жителями города (Константинополя — В.Х.) об их набеге на нас, а через несколько дней херсонский стратиг прислал василевсу донесение, заявлявшее о том, что они уже приближались к этим областям»⁴². Таким образом, сопоставляя данные ПВЛ и Жития, можно предположить, что об угрозе нападения в Константинополь сообщили болгары, а о самом его приближении — стратиг Херсона.

Благодаря этому византийцы (хотя и с огромными потерями со стороны мирного ромейского населения) сумели одержать полную и безоговорочную победу, воспоминаниями о которой, по свидетельству Льва Диакона, в 971 г. Иоанн Цимисхий запугивал Святослава: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды»⁴³.

Упоминание о Киммерийском Боспоре в этой связи показательно. Если согласиться с версией о том, что росы отправились на Константинополь в результате поражения от Песаха, которое они потерпели, видимо, также в Приазовье, получается, что движение флота росов на Константинополь в июне 941 г. и его остатков в сентябре того же года проходило вдоль побережья фемы Херсон. И неудивительно, что херсониты обо всем этом были хорошо осведомлены.

О следующем походе Игоря, который древнерусская летопись датирует 6452 (944) годом, сообщает только древнерусская летописная традиция⁴⁴. Боестолкновений в этой войне не было вовсе. Узнав о начале похода, херсониты доложили Роману I о том, что «идет Русь на бесчисленных кораблях». Как и в прошлый раз, сообщение о нападении пришло также и от болгар, которые присовокупили к ней страшную для византийцев информацию — печенеги на сей раз выступили на стороне росов: «идет Русь и наняли себе печенегов». Данная угроза (особенно в свете разорения, причиненного росами в 941 г.) была воспринята Романом I как неприемлемая. Он решил откупиться и от росов, и от печенегов, и денег не пожалел: «возьми дань, которую имел Олег, и еще прибавлю к той дани», — обращается он через послов к Игорю. Печенегам были отосланы шелка и золото. В результате росы данью удовлетворились, не будучи уверены в победе, а печенегам Игорь велел (sic!) воевать болгарскую землю. Последнее утверждение выглядит неправдоподобным, т.к. приказать печенегам никто ничего не мог: по свидетельству Константина Багрянородного, их можно было только нанять⁴⁵.

⁴¹ Бибиков М.В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 496.

⁴² Цит. по: Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Тексты // Записки Новороссийского университета: Историко-филологический ф-т. Одесса, 1911. С. 201.

⁴³ Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. С. 57.

⁴⁴ Лаврентьевская летопись. Стлб. 45—46.

⁴⁵ «... будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы» (См.: Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 41). «Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными в войне и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, другого для своих жен, охранники — одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик (посланец императора — В.Х.) вступит в их страну, они требуют, прежде всего, даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и для своих родителей. Мало

В данном случае херсониты смогли предупредить столицу о походе росов заранее, потому что постоянно находились в днепровском устье, о чем свидетельствует договор, заключенный по итогам этого (обошедшегося без кровопролития) противостояния.

В стремлении византийцев откупиться от врага нельзя усматривать трусости или слабости. Это полностью укладывается в парадигму Большой стратегии Византийской империи, глубоко изученной и доказательно реконструированной американским исследователем Э. Люттваком. Вот несколько важных для нашего исследования тезисов:

1. Византийцы не стремились уничтожить врага. «Никогда не существовало какого—то единственного врага, уничтожение которого можно было бы счесть равноценным прекращению конфликта... уничтожение одного врага могло попросту открыть путь другому — возможно, еще более опасному. Кроме того, вчерашний враг мог стать сегодня ценным союзником. Обхаживать потенциальных врагов, привлекать их в качестве союзников — это не было оригинальным изобретением византийцев, но это стало их специальностью»⁴⁶.

2. Византийцы берегли свою армию от потерь, т.к. она была сколь профессионально обученной, столь и малочисленной: крупные потери могли оказаться фатальными, т.к. византийского бойца требовалось очень долго готовить: «Критическим ограничением выступала не нехватка людской силы и не отсутствие денежных средств, а выучка — или, скорее, время, необходимое для того, чтобы полностью обучить бойцов. Учитывая византийский опыт войны, бойцы, обладающие лишь элементарными навыками, были почти бесполезны в имперской армии. Она нуждалась в многосторонних профессиональных военных, входящих в состав сплоченных и хорошо обученных подразделений, готовых по команде выполнять различные практические задачи... византийские бойцы, не отслужившие года, считались все еще не готовыми к сражению»⁴⁷.

3. Поэтому, византийцы считали выплату дани более выгодной, чем затраты на подготовку новой армии и восстановление хозяйства в случае военного поражения. Более того, они усматривали в этом пользу для собственной экономики: «Гунны и все их преемники неизбежно вынуждены были использовать золото, полученное в качестве дани, чтобы покупать необходимые вещи и безделушки у империи... так что золото... возвращалось в оборот в границах империи достаточно быстро... уплата дани не снижала производство: на деле она скорее стимулировала экономическую деятельность за счет повышения скорости обращения золота»⁴⁸.

Таким образом, в 944 г. Роман I провел гораздо лучшую кампанию, чем в 941 г. Именно он, а не Игорь, который из первого похода еле ноги унес, а из второго вернулся «восвояси» победителем. Император предотвратил неизбежное разорение европейских фем империи, гибель войска, которое после кровопролитных сражений 941 г. было недавно пополнено и заново обучено. Показательно, что по сведениям той же Повести временных лет, за год до нашествия росов и печенегов, в 943 г. Роман I обезопасил себя мирным договором от нашествия на Константинополь венгров⁴⁹. То же он поспешил сделать после похода 944 г. и с Русью.

того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей» (См.: Там же. С. 43).

⁴⁶ Люттвак Э.Н. Указ. соч. С. 404.

⁴⁷ Там же. С. 405.

⁴⁸ Там же. С. 409.

⁴⁹ Лаврентьевская летопись. Стлб. 45.

Известие о том, что в 944 г. печенеги оказались в союзе с Русью, означает, что на северо-причерноморском направлении, за которое отвечал стратиг Херсона, византийцы допустили серьезный внешнеполитический провал. Более того, судя по сообщению летописца, в Херсоне даже не знали об этом союзе: херсониты увидели лишь флот росов, а о печенегах, двигавшихся на конях, не ведали. Это ставило под угрозу не только центральные районы империи, но и, в первую очередь, сам Херсон: его экономические интересы в «ближней зоне ответственности» (устье Днепра и Западном Крыму), его военную безопасность. Подобное развитие событий сделало как никогда реальной перспективу потери византийцами их владений в Таврике, беззащитных перед лицом ставших враждебными хазар, печенегов, а уж тем более русско-печенежского союза.

Все это вынуждало Романа I спешить с заключением всеобъемлющего мирного договора, который бы регламентировал как торгово-экономические, так и военно-политические отношения между государствами. Учитывая, что уже 16 декабря 944 г. Роман I был свергнут с престола сыновьями Константином и Симеоном и сослан на Принцевы острова⁵⁰, а договор заключен со стороны Византии от имени всех троих⁵¹, он не может датироваться 945 годом, как это обычно делается в публикациях ПВЛ, что отмечал еще Д.С. Лихачев⁵².

Византийские послы, как явствует из текста летописи, прибыли с предложением мира в Киев от имени трех императоров (Романа и его сыновей), затем Игорь отправил в Византию весьма многочисленную делегацию, которая, в присутствии византийских владык и с участием их вельмож, выработала текст мирного договора. Затем он был привезен русскими и византийскими послами в Киев, где Игорь поклялся соблюдать договор у идола Перуна, а его послы из числа христиан — в церкви св. Ильи. После чего, как пишет летопись, «... и приспѣ всень . [и] нача мьслити на Деревляны . хотя примьслити большую да^{нб}»⁵³. Далее начинается следующая статья летописи — о походе Игоря к древлянам за полюдьем и его убийстве, датированная тем же годом, что и предыдущая — 6453, что для ПВЛ совершенно не характерно: как правило, в ней каждому году посвящена одна статья.

Хронологически «примирить» датировку ПВЛ и тот факт, что в 945 г. Роман I уже не мог принимать участия в переговорах, нелегко, но можно. Информация летописца о византийском и русском посольствах в Киев, Константинополь и снова Киев явно проистекает из древнерусских источников, т.к. содержит имена всех русских послов и ни одного византийского. Поэтому, логично полагать, что в первоисточнике эта информация датирована по одному из двух календарей, вперемешку использовавшихся в русских летописях XII—XV вв.: мартовскому или ультрамартовскому. По данным специалиста в области хронологии ПВЛ С.В. Цыба, ультрамартовские датировки (наряду с мартовскими) начали появляться в русских летописях в 20-е гг. XII в., т.е. уже во время составления Сильвестровской редакции летописного свода⁵⁴.

В соответствии мартовским календарем, «лето 6453» наступило в марте 945 г. и закончилось в феврале 946 г. В соответствии с ультрамартовским, этот год начался в марте 944 г. и закончился в феврале 945 г. Текст договора, приведенный в летописи, по

⁵⁰ История Византии: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1967. С. 186.

⁵¹ Лаврентьевская летопись. Стлб. 46—53.

⁵² ПВЛ. Ч. II. Приложения. / [Статьи и комментарии: Д. С. Лихачев]. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 288.

⁵³ Лаврентьевская летопись. Стлб. 54.

⁵⁴ Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул: Изд-во Алтайск. ун—та, 1995. С. 46.

единодушному признанию исследователей⁵⁵, является древнерусским переводом с греческого оригинала, написанного, как указано в летописи, на «харатье», т.е. пергамене⁵⁶. Соответственно, он мог быть датирован только по византийскому сентябрьскому календарю, в котором 6453 год начинался 1 сентября 944 г. и заканчивался 31 августа 945 г.

Таким образом, время для переговоров и составления договора (при сопоставлении древнерусского ультрамартовского и византийского сентябрьского календарей) ограничивается осенью 944 г., а при сопоставлении мартовского (по которому механически переведены в современное летосчисление все датировки ПВЛ) и сентябрьского календарей, совпадение этих событий и вовсе невозможно.

При этом, правда, возникает сложность с датировкой предшествующей статьи летописи — о походе Игоря на Византию. Если ее дата «лето 6452» также дана по ультрамартовскому календарю, значит, поход был в 943 г., но при этом начинает опасно сдвигаться вся хронология летописи. Поэтому, логичнее предположить, что утраченный первоисточник, сообщавший о походе, использовал единственно применявшийся на Руси до XII в. мартовский календарь. Тогда поход, начавшийся в конце весны — начале лета 944 г., действительно относится к 6452 г. по византийскому сентябрьскому и древнерусскому мартовскому календарям. Следовательно, летописная датировка похода 6452, а договора 6453 годом не вступает в противоречие с тем, что оба эти события необходимо «уместить» в 944 январский год — до низложения Романа I. В пользу того, что информация о походе и подписании договора могла быть изначально датирована по разным календарям, говорит тот факт, что составитель летописи поместил эти два взаимосвязанных события в разные статьи, имея на руках текст договора с византийской сентябрьской датой 6453 г. и древнерусский первоисточник о походе, датировавший его 6452 мартовским годом.

Таким образом, предположительно, источники, которыми пользовался составитель ПВЛ, датированы:

- а) древнерусское известие о походе 944 г. — по мартовскому календарю;
- б) древнерусское известие о переговорах в Киеве и Константинополе и подписании мирного договора — по ультрамартовскому календарю, само появление которого вызвано влиянием византийского сентябрьского календаря и возникавшей в связи с этим в головах древнерусских летописцев и агиографов хронологической неразберихой;
- в) текст мирного договора, оригинал которого был написан и датирован византийцами — по сентябрьскому календарю.

Справедливости ради отмечу, что данные рассуждения — одни из многих, в которых делается попытка разгадать хронологическую путаницу ПВЛ. Например, С.В. Цыб в монографии, специально посвященной хронологии первой русской летописи, доказывает, что ее редактор Сильвестр произвольно расставлял события в рамках хронологической сетки, и даже занимался их «делением». Исследователь (вслед за жестким критиком достоверности ПВЛ А.А. Шахматовым⁵⁷) полагает, что похода 944 г. не было, он был в 941 г., тогда же состоялись переговоры и заключение мира⁵⁸, но признает, что в хронологии описываемых событий наблюдаются признаки «постмартовского (т.е. ультрамартовского — В.Х.)

⁵⁵ Бибииков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5—15.

⁵⁶ Лаврентьевская летопись. Стлб. 46.

⁵⁷ Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. IV. Л., 1940. С. 72.

⁵⁸ Цыб С.В. Указ. соч. С. 45.

хронологического редактирования»⁵⁹. Однако, как было показано мною в статье «Поход Владимира на Корсунь»⁶⁰, датировки и событийный ряд, изложенный в ПВЛ, заслуживают куда большего доверия, чем принято им в последнее время оказывать. Корректировки, которые порой необходимо проводить на основе сопоставления с другими источниками, в отношении изложенных в летописи событий X в., как правило, не больше одного года, или вовсе не требуются⁶¹.

Поэтому, не стану отрицать ни описанных очевидцем (Продолжателем Феофана) ужасов похода 941 г., ни взаимовыгодно разрешившегося противостояния 944 года, описанного автором ПВЛ. Просто констатирую, что послов в Киев для заключения мира и союза Роман I направил, видимо, сразу по завершении конфликта, т.е. во второй половине лета 944 г. (6452 г. по византийскому сентябрьскому и древнерусскому мартовскому календарям), а договор был подписан в Константинополе в сентябре 944 г. (т.е. в 6453 г. по византийскому сентябрьскому календарю), после чего незамедлительно направлен на утверждение Игорю. Для византийцев это было важно еще и потому, что им предстояло вернуться в Константинополь до окончания навигации, т.е. до конца октября. Тем более что той же осенью, как повествует летопись, Игорь отправился к древлянам, от которых живым уже не вернулся, а в декабре был свергнут Роман I.

Для нашего исследования важнее другое. В первом большом (по крайней мере, из сохранившихся) русско—византийском договоре содержится целая группа статей, защищающих интересы безопасности Корсуни и Корсунской страны (т.е. Херсона и его фемы). Мы не можем предполагать, что византийскую делегацию к Игорю возглавлял херсонский стратиг: ее статус был, видимо, выше. Однако, его участие в переговорах и в Киеве, и в Константинополе весьма вероятно. Итак, что (согласно тексту договора) заботило этого незнакомого нам по имени византийского правителя «Корсунской страны».

1. Русские князья не должны претендовать на обладание ни одним из византийских городов в Крыму и византийской Таврикой в целом.

2. Росы не должны использовать «береговое право», т.е. не грабить выброшенные на берег ромейские корабли, не порабощать и не убивать членов их экипажей.

3. Росы гарантируют безопасность рыбной ловли херсонитов в устье Днепра. Кроме того, на побережье Черного моря они не должны оставаться на зимовку: им следует уходить на Русь, что, видимо, было гарантией от внезапных нападений росов на византийцев весной, до начала навигации.

4. Росы должны препятствовать нападениям черных болгар на «Корсунскую страну»⁶².

За всё это византийцы обещают оказывать росам, в случае нужды, военную помощь. При этом никаких экономических интересов, которые связывали бы Херсон с Русью, договор не фиксирует: экономическая часть договора касается, по сути, только Константинополя. Херсонитов же волнуют в отношении Руси исключительно вопросы безопасности. И можно констатировать, что договор 944 г., в части защиты интересов херсонитов, исполнялся до 987 г., когда его нарушил внук Игоря Владимир Святославич.

Сын Игоря Святослав, безуспешно пытавшийся воевать с византийцами за Болгарию, в договоре 971 г. лишь подтвердил гарантии безопасности «власти Корсунской»⁶³.

⁵⁹ Там же. С. 46.

⁶⁰ *Ханаев В.В.* Поход Владимира на Корсунь // Родина. 2009. № 10. С. 102—104; Он же. Поход Владимира на Корсунь // Родина. 2009. № 11. С. 44—45.

⁶¹ Ту же точку зрения отстаивал Д.С. Лихачев. В частности, его мнение о событиях русско-византийского противостояния 941—944 гг. см. в: Повесть Временных лет. Ч. II. Приложения. С. 288.

⁶² Лаврентьевская летопись Стлб. 51 и сл.

Неоднократно предпринимавшиеся в историографии попытки доказать, что росы до 987 г. совершали набеги в Крым, захватывали отдельные его части⁶⁴, полностью лишены источниковой базы: как документальной и нарративной, так и археологической. А потому, остаются не более чем измышлениями.

Таким образом, русско-византийский договор 944 г. можно признать не только успехом молодого русского государства, что проходит рефреном в отечественной историографии с момента ее возникновения, но и успешным опытом реализации византийской внешнеполитической стратегии. Кроме того, появление в договоре раздела о безопасности «Корсунской страны» стало важным достижением тогдашнего стратига Херсона (а, возможно, целой херсонской делегации).

За всеми вышеописанными событиями со стороны внимательно наблюдал отстраненный от власти (хотя официально не низложенный) император Константин VII (905—959 гг.), который, после возвращения себе престола в 945 г., смог на основе чужого опыта сформулировать внешнеполитические стратегемы, легшие в основу его наставлений сыну в трактате «Об управлении империей».

Как было показано выше, опыт внешнеполитических успехов и неудач нескольких поколений херсонских стратигов был Константином Багрянородным учтен, а их усилия оценены его преемниками по достоинству. Если в Тактиконе 842/843 г. стратиг Климатов упоминается последним, шестнадцатым из стратигов⁶⁵, в Тактиконе 934—944 гг. стратиг Херсона — предпоследним, 29—м из 30⁶⁶; то в аналогичном документе 971/975 г. — уже 41—м из 82—х. При этом, впервые упомянутый в нем стратиг Боспора занимал последнюю, 82—ю позицию⁶⁷.

То есть, в иерархии разраставшейся имперской бюрократии (и особенно — военного командования) статус стратигов Херсона в течение X в. значительно возрос, что отразилось и в их титулатуре. Если в первой половине X в. стратиги Херсона, в основном, имели ранг спафарокандидата или протоспафария, то во второй половине столетия они были как минимум протоспафариями, а многие удостоивались титула императорского протоспафария и протоспафария—хрисотриклинита. В ранг патрикия стратигов Херсона во все времена возводили редко. Он, видимо, давался лишь за особые заслуги или когда вельможа попадал в милость императору: за все годы существования фемы Херсон таких примеров на сегодня известно лишь пять (примерно один случай в пол столетия)⁶⁸.

Подводя итоги приведенных выше размышлений, констатирую, что в течение первой половины X века Византия сумела, хотя и не без проблем, приспособиться к изменившейся в связи с приходом печенегов и усилением Киевской Руси геополитической реальности в

⁶³ Там же. Стлб. 73.

⁶⁴ См. например: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996. С. 74; *Талис Д.Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. // ВВ. 1958. Т. 14. С. 107—108; *Богданова Н.М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 46; *Науменко В.Е.* Исторический контекст «Корсунского похода князя Владимира: комплексный анализ источников» // [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»] тезисы докладов и сообщений III Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05—05.06.2011). Севастополь, 2011. С. 22—24.

⁶⁵ *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. P. 46—49.

⁶⁶ Ibid. P. 244—247.

⁶⁷ Ibid. P. 262—269.

⁶⁸ *Храпунов Н.И.* Указ. соч. С. 139, табл. 4.2.

Северном Причерноморье. И значительный вклад в это внесли назначавшиеся из Константинополя стратеги Херсона.

Резюме

В статье анализируется роль стратигов византийской фемы Херсон в осуществлении имперской внешней политики на Северо-Причерноморском направлении в первой половине X века. Автор приходит к выводу, что стратеги Херсона отвечали за непосредственную реализацию византийской политики в отношении печенегов, хазар, черных болгар, алан и росов. Несмотря на серьезные угрозы и ряд поражений, Византия сумела установить баланс сил между народами Северного Причерноморья, что обеспечило ее военную безопасность в регионе на период до 987 года. Значительную роль в этих внешнеполитических успехах сыграли стратеги Херсона.

Ключевые слова: Византия, Херсон, Русь, печенеги, внешняя политика.

Summary

The role of Byzantine theme Kherson strategoi in implementing of the Byzantine foreign policy on the North Black Sea region in the first half of the 10th century is analyzed in the article. The author comes to conclusion that Kherson strategos were responsible for the direct implementation of the Byzantine policy towards Pechenegs, Khazars, black Bulgarians, Alans and Russians. Despite the serious threats and a number of defeats, Byzantium managed to establish a balance of power between the peoples of the Northern Black Sea region. It guaranteed its military security in the region for the period until the year 987. A significant role in these foreign political successes played Kherson strategoi.

Keywords: Byzantium, Kherson, Ancient Russia, Pechenegs, foreign policy.